

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1+821.511.111

М. В. Казакова

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ А. И. МИШИНА* (ОЛЕГА МИШИНА – АРМАСА ХИЙРИ) 1990-х ГОДОВ

В работе рассматривается двуязычная лирика народного поэта Карелии А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1990-х гг. как характеристика поэтической географии, представленная в его русских и финских стихах.

Цель статьи – анализ метафизического значения имен собственных, в частности топонимов и антропонимов, лирики поэта 1990-х гг. В поэзии Мишина этого периода топонимы структурированы вокруг двух образов: «большая» родина Россия и утраченная малая родина Ингерманландия. Карелия в его творчестве проецируется на образ утраченной родины и приобретает значение поэтического дома, где он родился и вырос как художник слова.

Таким образом, поэтическая география, запечатленная в стихах автора, формирует галерею образов, создающих индивидуально-авторскую картину мира поэта, в которой отражены исторические, культурные, национальные и биографические ценности.

Ключевые слова: поэтическая география, билингвизм, индивидуально-авторская картина мира, литература Карелии, Ингерманландия, А. И. Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри), национальная литература, топонимы, антропонимы, финский язык, малая родина.

Географические реалии всегда находили своё место в творчестве подавляющего большинства поэтов, принадлежащих разным эпохам, а воссозданная в их стихах карта мира не раз становилась предметом исследования.

* 9 октября 2018 г. в возрасте 83 года скончался народный писатель Республики Карелия Армас Иосифович Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) (1935–2018) – поэт, посвятивший себя творчеству на двух языках: русском и родном финском; переводчик эпической поэмы «Калевала», литературовед, один из авторов слов Государственного гимна Республики Карелия. А. И. Мишин – лауреат Государственной премии Карелии имени Архипа Перттунена, заслуженный работник культуры Карелии и России, награжден орденом Дружбы. С его уходом литература Карелии понесла невосполнимую утрату.

Согласно определению Л. Г. Яцкевич, поэтическая география – это «система культурных ландшафтов, воспроизводимых в художественных образах или используемых в качестве символов в творчестве поэта. Важную роль в создании поэтической географии играют топонимы и антропонимы, а также другие виды имен собственных, имеющих культурный компонент в своём значении» [Смольников, Яцкевич 2006, 71].

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к исследованию поэтической географии в творчестве благодаря возвращению к трудам таких учёных, как И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, Н. П. Анциферов, в которых, по мнению В. Е. Андреева, подчеркивается необходимость изучать областные культурные (литературные) гнезда, их значение в воссоздании облика России.

Говоря о географическом пространстве в поэтическом произведении, Ю. А. Веденин пишет, что «восприятие его стало более личностным, уже преломлённым сквозь эмоциональный, полный таинства мир души поэтов» [Веденин 1997, 153].

Художественное произведение, наделённое географическими реалиями, с одной стороны, создаёт узнаваемое для читателя пространство; с другой – обеспечивает создание индивидуально-авторской картины мира писателя. Так, специалист по национальной литературе Р. Мусаева отмечает значимость географических реалий в творчестве писателя, где имена собственные «способны передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится творчество поэта или писателя» [Мусаева 2014].

Цель нашей статьи – анализ значения имен собственных, а именно – топонимов и антропонимов, в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1990-х гг. как характеристики поэтической географии поэта, который именно в этот период начинает особо остро осознавать свои этнические корни, пытается определить характер связей с тем или иным близким ему местом на земле.

Народный поэт Карелии Армас Иосифович Мишин, подписывающий свои стихи на русском языке как Олег Мишин, а на финском – Армас Хийри (Armas Hiiri), родился в 1935 г. в пос. Пустошка Ленинградской области, в месте компактного проживания российских финнов-ингерманландцев. Территория бассейна р. Невы и юго-восточного побережья Финского залива исторически называется Ингерманландией (по-русски – Ингрия, Ижорская земля, по-фински – Inkeri, Inkerinmaa). Говоривший от рождения на родном ему финском языке, в годы Великой Отечественной войны Мишин вместе с семьёй был эвакуирован в Омск, где он учился в русской школе. Родной язык постепенно забывался. Ингерманландские финны вошли в число интернированных народов, которым в 1949 г. было запрещено проживание в больших городах; вернуться на землю предков им так же не разрешили. Так семья Мишиных поселилась сначала в райцентре Пудожье, где преобладало русское население, а затем – в Петрозаводске, где проживало преимущественно русскоязычное и финноязычное население. Здесь Армас Мишин окончил Карельский педагогический институт, после чего работал учителем русского языка и литературы.

В литературу Карелии он входит в 1950-е гг., публикуя стихотворные произведения на русском языке под именем Олег Мишин. Желание вспомнить, а точнее, заново выучить родной финский язык появляется тогда благодаря его финноязычному писательскому окружению.

Вторым языком в Карелии был финский, имевший статус официального языка. Вся основная документация в республике велась на русском и финском языках; названия населённых пунктов и улиц тоже писались на двух языках. В этот период культура и литература Карелии на финском языке переживала новый пик подъёма: в творчестве финна Тайсто Сумманена, карелов Яакко Ругоева, Антти Тимонена, Николая Яккола, Пекка Пертту.

Олег Мишин не только заново выучил родной язык, но и стал писать лирические стихи. Наряду с Р. Такала (финном по национальности) он фактически стал первым писателем-билингвом Карелии [подробнее см.: Казакова 2017]. Уже в 1968 г. на финском языке в местной печати были опубликованы первые стихотворения А. И. Мишина, которые он подписал именем Армас Хийри, а в 1976 г. вышел его первый поэтический сборник «Ikkuani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир»).

Одна из особенностей билингвальной лирики Мишина – это постоянное движение лирического героя, зачастую наблюдающего окружающий мир из окна, фиксируя в памяти мгновения и детали, из которых и складывается его мировидение. Л. Я. Резников отметил «принципиальную незавершённость» [Резников 1980, 107] его поэзии, где «автор лирических миниатюр избегает обобщений, “ударных” концовок именно потому, что каждое душевное переживание понимается им лишь как момент бесконечного движения жизни и души» [Резников 1980, 107].

Билингвальная лирика Мишина 1970-х гг. осваивает природное пространство северного карельского края. В стихотворениях этого периода детально прорисованы озера, реки, деревья, лесные тропинки, ягоды, птицы. Видимый (часто из окна) карельский пейзаж проецируется в сознании лирического героя на образ малой родины Ингерманландии, как того конечного пункта, куда герой всё время стремится в своих исканиях. Но в стихах этих лет Мишин ещё не обозначает эту точку, не называет её: в те годы ингерманландская тема ещё замалчивалась в литературе и культуре.

По словам Е. И. Марковой, анализирующей поэзию Мишина 1960–1970-х гг., «русский человек выходит из дома на дорогу и возвращается из путешествия в отчий дом. Образ дома отсутствует в лирике Мишина, что указывает на особый статус его героя. Это – маргинальный человек, покинувший в войну дом детства и так и не обретший другого. Хотя образы дома (на Мге, на Водле, на Иртыше, в Петрозаводске) постоянно присутствуют в творчестве поэта, но они являются не местом обитания, а остановкой в пути» [Маркова 2000, 372].

Таким образом, в ранней лирике поэта особой семантической функции топонимы не несут, а используются как маркеры пространства, указывая на точки передвижения лирического героя.

Топонимические знаки, структурируя пространство текста, наделяют его новой смысловой нагрузкой, которая и отражает авторское мировидение,

созданное совокупностью биографических, культурных, национальных и художественных ценностей.

Выделим из их числа «национальные ценности». Именно они обычно формируются в семье – в доме, которого, по мнению Е. И. Марковой, у лирического героя нет, с чем нельзя не согласиться.

В 1987 г. критик В. Редькин, видимо, лично не знавший Мишина, называет его в статье «Красотой душа полна...» *карелом*. Заметив это, Е. И. Маркова и написала, что ошибка идёт от неприкаянности и маргинальности лирического героя в его поэзии.

В чём же отличие книг 1990-х гг.?

В эти годы А. И. Мишин публикует ряд сборников: русскоязычный «Свет рябиновый» (1990), финноязычный «Aika muuttuu meissä» (1992) («Время изменяется в нас») и «Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца» (1995), в который включена лирика на финском и на русском языках.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 3 небольших книгах (383 стиха) более 160 раз упоминаются различные топонимы. Поэт визуализирует свой дом, в широком смысле это – вся Россия.

В сборнике «Свет рябиновый» поэтическая география Мишина представлена широко: вся территория России с севера (пос. Калевала) на юг (Кавказ) и с запада (г. Ленинград) на восток (о. Сахалин). В 194 стихотворениях сборника топонимы включены 57 раз.

Звучат названия городов (Москва, Ленинград, Рязань, Петрозаводск, Сегежа и др.), крупных регионов (Урал, Сибирь, Кавказ, Крым), рек (Волга, Ока, Неглинка, Лососинка, Выг, Назия), озёр (Ладога, Онежское озеро\Онего). Поэт создаёт образ великой России, выстоявшей в самые сложные периоды своей истории благодаря мужественности, негибамости и силе духа её граждан.

Где стучал когда-то
гулкий пулемёт,
на скале покатоЙ
Иван-чай цветёт.
В утренних туманах,
в серебре росы –
в память об Иванах,
живших на Руси

[Мишин 1990, 125].

Поэт ощущает свою принадлежность, сопричастность не только России, но и всей её истории. Об этом свидетельствуют историческое название Русь, и имена героев, павших в боях за неё. Возможно, в паспортах у воинов записаны разные имена, но для мира все они – русские Иваны, в память о которых цветет растение, носящее такое имя.

В народе Иван-чай называют ещё и «пожарником», ведь именно он первым появляется на выжженных огнём местах, укрывая место пожара ярким мали-

новым ковром своих цветов. Так и русский человек, несмотря ни на какие беды и годы лихолетья, стоек и силен.

Лирический герой не только открывает для себя свою великую страну, но и стремится обрести свой дом. Как уже было сказано, путь на родину ему был закрыт. Нет, в 1990-е гг. никто не мешал ему приехать в бывшие места поселения финнов-ингерманландцев. Место сохранилось, но там жили уже другие люди. Дух Ингерманландии и её народа не ощущался.

И герой понимает: его дом – Карелия. В этом сборнике, как никогда раньше, много топонимов, функционирующих подчёркнуто локально, обретая при этом символическое значение.

Точечно выписаны улицы, районы, водные объекты Петрозаводска (улица Чапаева; микрорайоны Кукковка, Сулажгора, Соломенное, Ключевая; реки Неглинка, Лососинка; Онежское озеро), а также города (Кемь, Олонец) и посёлки (Калевала, Повенец) Карелии. Очерченный им географический ареол создаёт своеобразное ментальное пространство, в котором лирический герой фокусирует внимание на значимых для него локусах. В этих стихах нет ни трагического, нет ни патетического, но есть ощущение соучастия лирического героя в происходящем каждодневно.

Всё гуще, кремешнее мрак ночной,
Всё ниже ночной небосвод.
Соломенский берег до Ключевой
Лучами огней достаёт

[Мишин 1990, 45].

Особое место в лирике поэта теперь занимают водные объекты как знаковые в культуре Карелии. Лососинка, Неглинка, Нелукса, Святрека, Онего, Кивач – «от зорь горящий водопад» [Мишин 1990, 49] становятся объектами художественного осмысления поэта.

В его лирике вода становится символом отражения прошлого, в котором лирический герой видит кадр за кадром как моменты минувшего: «ты вдруг обернулась. И Родины лик / качнулся в воде твоей чистой» [Мишин 1990, 113], – так и течения жизни, где будущее видится исключительно светлым, незамутнённым, наполненным «чувством негаснущей веры» [Мишин 1990, 113], как это и подобает северным водам.

Вода – многоплановый и многозначный символ в жизни северного народа. Всегда северные жители стремились селиться недалеко от водоёмов или вдоль них, пользуясь их изобилием. Ещё в эпической поэме Э. Лённрота, созданной на материале карельского, финского и в определённой степени ингерманландского устно-поэтического народного творчества, отражается всеобъемлющее значение водной стихии в жизни народа. Вяйнямейнен, рожденный из водной стихии, создает земное пространство, наделяет его способностью к саморегенерации и самосуществованию, а разбившееся Сампо – символ плодородия, изобилия, попадает в море.

Удивительная природа карельского края воскрешает в воображении лирического героя образы, идущие от мифологии, где «дух воды на дудочке играет, девы-волны плещутся в реке» [Мишин 1990, 64].

Освоенное чужое пространство, а вместе с тем и культура, постепенно обращаются в близкое, родное, своё. Карелия становится вновь обретенным домом, в котором лирическому герою всё знакомо и ценно, а потому встречаемые улицы, районы, города, реки, озёра не только описаны, но и названы по отдельности, зафиксированы в сознании героя как значимые объекты.

Карелия для А. И. Мишина – страна писателей, поэтов, и в сборнике «Свет рябиновый» многие точки на поэтической карте автора связаны с именем того или иного писателя. Художник слова едет по России не удовольствия ради, а для познания жизни своего народа. Не случайно в стихотворении «Что за блажь?» рефрен: «Чехов едет на Сахалин» [Мишин 1990, 15] – звучит 4 раза, подчеркивая и длительность пути, и тяжесть путешествия. Но его зовут долг и совесть подлинно русского интеллигента.

И, конечно, помнит Мишин про Г. Р. Державина – первого губернатора Олонецкого края, поэта-губернатора, воспевшего красоты Карелии в оде «Водопад». С его именем связаны топонимы Кемь, Повенец, Кивач, Лососинка, Онега.

Для дела, а не для утех
он, губернатор и певец,
весь край олонецкий проехал,
узрел и Кемь, и Повенец
[Мишин 1990, 49].

Упоминает поэт и о местных карельских служителях музе: в их числе поэт Г. В. Кикинов и воспетая им речка Нелукса, которая «поет и плещет» и «этой песне звонкой нет конца!» [Мишин 1990, 106].

Вспоминает лирический герой и собственные поэтические опыты, рождённые на улице Чапаева, где «когда-то юный жил поэт» [Мишин 1990, 33].

В этом списке также имена людей, открывших миру финно-угорскую культуру: известный финский учёный Д. Европеус, который «у карел он был и на Ояти, / всю Ингерманландию прошел» [Мишин 1990, 115] и скромный краевед Р. Лонин.

Лирический герой Мишина, путешествуя по просторам России, делает остановку в Карелии, внимательно изучая окрестности, находя знакомые ему родные детали, актуализирующие его культурную и историческую память.

Финно-угорские народы проживают не только на северо-западе России. Осознавая себя их частью, где «предки предков моих // на Оке свои лодки долбили. // Смёл их времени вихрь, // но известно: здесь пращурь были» [Мишин 1990, 119], лирический герой в то же время, воспринимает себя неотъемлемой частью России, её многонациональной культуры и потому утверждает: «Пусть язык мой звучит // равноправно средь многих наречий» [Мишин 1990, 119].

Карелия не просто приютила юного ингерманландца, она взрастила его, здесь он стал поэтом. Через эту землю он связан с большой Родиной – Россией. А тот утраченный дом детства всплывает в памяти лирического героя, о чём напоминают топонимы: Ууси кюля, Муя, Мга, Назия.

Опубликованный в 1992 г. сборник финноязычных стихов «Aika muuttuu meissä» («Время изменяется в нас») не изобилует топонимами, но пространство,

занимающее мысли лирического героя, угадывается и без особых на то указаний. Ингерманландия – родина детства, некогда не по своей воле покинутая, навсегда останется в сердце. «Inkeri on minussa ja sinussa» [Hiiri 1992, 18] («Ингерманландия во мне и тебе») и, пока жив ингерманландский народ, будет жить и память об Ингерманландии.

Третий сборник, вышедший в 1990-е гг., «Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца» (1995) – двуязычен. Большая часть стихотворений написана на финском языке. Топонимическое пространство финноязычных стихотворений сужается, и внимание героя фокусируется на двух локусах: Карелия и Ингерманландия, – которые представляют собой не только некогда пограничные территории, но и единое духовное пространство, связывающее лирического героя с памятью предков, в том числе благодаря общему финскому языку.

Ставшая «своей», Карелия помогла герою соединить его прошлое и настоящее, освоить родную культуру благодаря характерному для нее посредству национального прибалтийско-финского (финского, карельского, вепсского) конгломерта. Хотя лирический герой и ощущает себя «täällä kuin mustalainen» [Hiiri 1992, 7] («здесь как цыган»), он по достоинству оценивает заслуги Карелии в развитии культуры, для которой долгие годы приоритетным был финский язык.

Minulle suomea opetit –
äitini, isäni kieltä,
täysin jo unohtunutta
vierailta mailla

[Hiiri 1992, 7].

Меня ты обучила финскому языку –
языку матери и отца,
совершенно уже забытого
в чужих краях

(подстрочный перевод автора статьи).

Лирический герой осознает невозможность вернуться в родной край, но в памяти продолжают жить знакомые с детства улицы, дома, ласточки, рябины, грибы.

Kansamme sielussa Inkeri elää
Armahat maisemat Inkerin

[Hiiri 1992, 21].

В душе нашего народа живёт Ингрия
Любимые пейзажи Ингрии

(подстрочный перевод автора статьи).

Поэтическая география русскоязычной части сборника «Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца» структурирована вокруг топонима Ингерманландия. Однако на пути героя встречаются и другие географические реалии: Урал, Обь, Рязань, Енисей, Ока, Иртыш, Дон и так далее. Все они лишь миг, остановка на пути следования лирического героя к родному дому детства.

Родины лишённый, финн российский,
сердцем помнящий свои края,
под Рязанью, по траве росистой
я бегу на песню соловья

[Hiiri 1992, 119].

Финн российский в душевном и духовном порыве на мгновение сливается с землей рязанской, подарившей России и миру поэта Сергея Есенина.

Любая неволя трагична, но, как ни парадоксально, она может обернуться счастьем. Так, сосланный в село Михайловское А. С. Пушкин обрел свою поэтическую зрелость здесь. Не по своей воле оказался в Карелии герой-поэт Мишина, но здесь, в Петрозаводске, он стал поэтом, обретя свой поэтический дом.

У лососинских и онежских вод
Ты пережил счастливые мгновения.
Твое Михайловское – твой Петрозаводск! –
Дарит тебе и жизнь, и вдохновенье
[Hiiiri 1992, 123].

Таким образом, анализ топонимических знаков в лирике Мишина 1990-х гг. подтверждает мысль о том, что имена участвуют в создании индивидуально-авторского стиля поэта, отражающего духовно-нравственную картину мира автора через узнаваемые образы, наделённые самостоятельной метафункцией. В творчестве Мишина 1990-х гг. таким знаковым образом становится малая родина поэта, воссозданная им через образы утраченной родины Ингерманландии и родины Карелии, принявшей его как сына. Топонимы в его лирике указывают не только на географические объекты: они связаны с биографией поэта, историей его рода и России. Особое место в творчестве Мишина занимает география литературная: топонимическая связь с именами писателей. Обилие топонимов в поэтических книгах, на наш взгляд, говорит не только о движении героя в пространстве, но и о движении героя во времени: это не только изучение им новых мест, но и познание самого себя, возвращение к себе как к этническому финну-ингерманландцу.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В. Е. Из истории одной литературоведческой идеи: И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, Н. П. Анциферов о литературных гнёздах // *Материалы междунар. науч. конф. «Первые московские анциферовские чтения»* Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. М: ИМЛИ РАН, 2012. С. 117–121.

Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997. 224 с.

Казакова М. В. А. И. Мишин – первый поэт-билингв в Карелии: личность и творчество [Эл. ресурс] / М. В. Казакова // *Краеведческие чтения: материалы XI науч. конф. (16–17 февраля 2017 г.)*. Петрозаводск, 2017. С. 414–419.

Маркова Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри) // *История литературы Карелии*. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 371–376.

Мишин О. Свет рябиновый: лирика / Олег Мишин. Петрозаводск: Карелия, 1990. 238 с.

Мусаева Р. А. Ономастическая лексика в поэзии Ёырчи Казака / Р. Мусаева // *Кумыкский мир: культура, история, современность*. 2014 [Эл. ресурс] // URL: <http://kumukia.ru/ономастическая-лексика-в-поэзии-ёырчи-казака.htm> (дата обращения: 12.07.2018).

Редькин В. Красотой душа полна... // *Север*. Петрозаводск, 1987. № 10. С. 116–118.

Резников Л. Я. Необходимость преодоления: (свет и тени лирики Олега Мишина) / Л. Резников // *Север*. Петрозаводск, 1980. № 5. С. 106–112.

Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. На золотом пороге немеркнущих времен: поэтика имён собственных в произведениях Н. Клюева / С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич; ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет», Центр филологических исследований. Вологда: Центр филологических исследований, 2006. 262 с.

Hiiri A. Aika muuttuu meissä: Runoja. Runoelma / Armas Hiiri; Petroskoi: Karjala, 1992. 68 s.

Hiiri A. (Мишин Олег). Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца: runoja, runoelma / Armas Hiiri. Petroskoi: Verso, 1995. 127 s.

Поступила в редакцию 24.05.2018

Казакова Мария Владимировна,
старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33
e-mail: mvk-2013@bk.ru

M. V. Kazakova

Poetic geography in bilingual texts by A. I. Mišin (Oleg Mišin – Armas Hiiri) in the 1990s

The article considers bilingual texts by the national poet of the Republic of Karelia A. I. Mišin (Oleg Mišin – Armas Hiiri) in the 1990s as examples of poetic geography in his Russian and Finnish verses.

The purpose of the article is to analyze the metaphysical meaning of proper names, in particular, toponyms and anthroponyms in the poet's texts published in the 1990s. In Mišin's poetry of this period toponyms are structured around two images: "big" homeland Russia and the lost small homeland Ingermanland. Karelia in his work is projected on the image of the lost homeland and it takes on the meaning of a poetic house where he was born and raised as a word artist.

Thus, the poetic geography, reflected in the author's poems, forms a gallery of images that create the author's personal image of the poet's world in which historical, cultural, national and biographical values are reflected.

Keywords: poetic geography, bilingualism, author's personal image of the world, literature of Karelia, Ingermanland, A. I. Mišin (Oleg Mišin, Armas, Hiiri), national literature, toponyms, anthroponyms, Finnish, small motherland.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 4, pp. 44–53. In Russian.

REFERENCES

Andreev V. E. Iz istorii odnoj literaturovedcheskoj idei: I. M. Grevs, N. K. Piksanov, N. P. Anciferov o literaturnyh gnjozdah [From the history of a literary idea: I. M. Grevs, N. K. Piksanov, N. P. Anciferov on literary nests]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Pervye moskovskie anciferovskie chtenija" N. P. Anciferov. Filologija proshlogo i budushhego* [Proceedings of the international scientific conference "First Moscow Anciferov readings" N. P. Anciferov. Philology of the past and future]. Moscow, IMLI RAN, 2012, pp. 117–121. In Russian.

Vedenin Ju. A. *Očerki po geografii iskusstva* [Essays on the geography of art]. Saint-Petersburg, 1997. 224 p. In Russian.

Kazakova M. V. *A. I. Mishin – pervyj pojet-bilingv v Karelii: lichnost' i tvorčestvo* [A. I. Mishin – the first bilingual poet of Karelia: personality and creativity]. *Kraevedčeskie čtenija: materialy XI nauchnoj konferencii* (16–17 fevralja 2017 g.) [Local history readings: proceedings of the XI scientific conference]. Petrozavodsk, 2017, pp. 414–419. In Russian.

Markova E. I. Oleg Mishin (Armas Hijri) [Oleg Mishin (Armas Hiiri)]. *Istorija literatury Karelii. T. 3* [The History of Karelian Literature T. 3]. Petrozavodsk, 2000, pp. 371–376. In Russian.

Mishin O. *Svet rjabinovyj: lirika*. [Rowan light: Poetry]. Petrozavodsk, Karelia, 1990. 238 p. In Russian.

Musaeva R. A. Onomasticheseskaja leksika v poezii Jyrchi Kazaka [Onomastic vocabulary of Jyrchi Kazak's poetry]. *Kumyjskij mir: kul'tura, istorija, sovremennost* [Kumyk world: culture, history, modernity]. 2014. In Russian. (URL: <http://kumukia.ru/onomasticheseskaja-leksika-v-poezii-jyrchi-kazaka.htm>) (accessed: 12.07.2018).

Red'kin V. Krasotoj duša polna... [The beauty of soul is full]. *Sever* [North]. Petrozavodsk, 1987, no. 10, pp. 116–118. In Russian.

Reznikov L. Ja. Neobhodimost' preodolenija: (svet i teni liriki Olega Mishina) [Necessity of overcoming: light and shadow of Oleg Mishin's poetry]. *Sever* [North]. Petrozavodsk, 1980, no. 5, pp. 106–112. In Russian.

Smol'nikov S. N., Jackevich L. G. *Na zolotom poroge nemerknušhijh vremen : pojetika imjon sobstvennyh v proizvedenijah N. Kljueva* [On the Golden threshold of unfading times: poetics of proper names in works of N. Kljuev]. Vologda, Centr filologičeskijh issledovanij, 2006. 262 p. In Russian.

Hiiri A. *Aika muuttuu meissä: Runoja. Runoelma* [Time changes in us: verses and poem]. Petrozavodsk, Karelia, 1992. 68 p. In Finnish.

Hiiri A. (Mišin Oleg). *Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца: runoja, runoelma* [Ingrian song: verses, poems]. Petrozavodsk, Verso, 1995. 127 p. In Finnish.

Received 24.05.2018

Kazakova Maria Vladimirovna,
Senior teacher,
Petrozavodsk State University
33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185000, Russian Federation
e-mail: mvk-2013@bk.ru